

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

Исследовательская статья
УДК: 341.3
Поступила в редакцию: 05.06.2023
Принята к публикации: 15.02.2024

Сергей Александрович ЛОБАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Яна Джамалутдиновна СУРХАЕВА

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность темы исследования определяется, во-первых, возрастающим значением энергетической дипломатии для решения современных проблем, возникающих в сфере международного энергетического сотрудничества, во-вторых, значимостью изучения проблем энергетической дипломатии с точки зрения науки международного права. Несмотря на то что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в международно-правовой среде, ей не уделяется должного внимания в юридической литературе, в том числе в научных работах по международному праву, что, в свою очередь, выглядит пробелом международно-правовой науки.

Цель работы – обосновать международно-правовое понятие энергетической дипломатии, выявить ее связь с классической моделью дипломатии и одновременно специфику, предметно обозначить основные направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Проанализированы относящиеся к теме научные труды, международные договоры и документы международного права, акты национального законо-

дательства государств. В качестве метода исследования использованы общенаучные и специальные методы познания, в том числе сравнительно-правовой и формально-юридический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Энергетическая дипломатия производна от классической модели дипломатии. Существуют разнообразные трактовки дипломатии, акцентирующие внимание на ее различных аспектах и проявлениях. В статье обосновывается понимание дипломатии как средства осуществления внешней политики государства при помощи деятельности специальных субъектов (органов внешних сношений), применяющих невоенные приемы и методы в соответствии с международным правом. Прослеживается эволюция дипломатии и появление ее новых форм, отмечаются их особенности и международно-правовая составляющая. С учетом специфики энергетики, международного энергетического сотрудничества, их правового обеспечения с опорой на потенциал международного и национального права обосновывается самостоятельный характер энергетической дипломатии, ее возрастающая роль в современных условиях. Выявлены особенности энергетической

дипломатии и предложено ее понятие, учитывающее международно-правовую составляющую. В современных условиях не сложились полноценные нормативно-правовые и институционально-правовые основы внешней энергетической политики и энергетической дипломатии Европейского союза (далее – ЕС). Отмечено, что легитимность применяемых в энергетической дипломатии рядом государств односторонних ограничительных мер небесспорна с точки зрения международного права. Предметно обозначены основные направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права, выделены варианты легитимации национальных интересов государств в энергетической сфере с опорой на потенциал международного права.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Основные выводы проведенного исследования состоят в следующем. Во-первых, энергетическая дипломатия выступает новым функциональным направлением дипломатической деятельности. Она имеет единую сущность с классической дипломатией (служить средством осуществления внешней политики в соответствии с международным правом) и одновременно характеризуется рядом производных от энергетического сектора и энергетического права особенностей (специальная направленность на реализацию целей и задач внешней энергетической политики государства, участие в ней энергетических ведомств и подключение энергетических компаний, применяемые методы). Во-вторых, энергетическая дипломатия и международное право в процессе своего развития и функциони-

рования взаимосвязаны и оказывают взаимовлияние друг на друга. Международное право определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом дипломатической деятельности), а также играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии. В свою очередь, энергетическая дипломатия с опорой на потенциал международного права содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым – поддержанию международного энергетического правопорядка. В целом, энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в развитие международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетическая дипломатия, дипломатия, международное энергетическое сотрудничество, внешняя энергетическая политика, международное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лобанов С.А., Сурхаева Я.Д. 2024. Международно-правовой подход к пониманию энергетической дипломатии. – Московский журнал международного права. № 1. С. 57–79. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

Research article

UDC: 341.3

Received 5 June 2023

Approved 15 February 2024

Sergey A. LOBANOV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Yana J. SURKHAYEVA

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

INTERNATIONAL LEGAL APPROACH TO UNDERSTANDING ENERGY DIPLOMACY

INTRODUCTION. *The relevance of the research topic is determined, firstly, by the increasing importance of energy diplomacy for solving modern problems arising in the field of international energy cooperation, and secondly, by the significance of studying the problems of energy diplomacy from the point of view of the science of international law. Despite the fact that energy diplomacy is being formed and realizing its potential in the international legal environment, it is not given adequate attention to its role in the legal literature, including in scientific works on international law, which, in turn, looks like a gap in international legal science.*

The purpose of the work is to substantiate the international legal concept of energy diplomacy, to identify its connection with the classical model of diplomacy and at the same time specific, to objectively identify the main directions of the relationship between energy diplomacy and international law.

MATERIALS AND METHODS. *When writing the work, scientific works related to the topic, international treaties and documents of international law, acts of national legislation of states are analyzed. General scientific and special methods of cognition, including comparative legal and formal legal, were used as a research method.*

RESEARCH RESULTS. *Energy diplomacy is derived from the “classical” model of diplomacy. There are various interpretations of diplomacy, focusing on its various aspects and manifestations. The article substantiates the understanding of diplomacy as a means*

of implementing the state’s foreign policy through the activities of special entities (bodies of foreign relations) using non-military techniques and methods in accordance with international law. The evolution of diplomacy and the emergence of its new forms are traced, their specificity and international legal component are noted. Taking into account the specifics of energy, international energy cooperation, their legal support based on the potential of international and national law, the independent nature of energy diplomacy, its increasing role in modern conditions is substantiated. The specific features of energy diplomacy are identified and its concept is proposed, taking into account the international legal component. In modern conditions, full-fledged regulatory and institutional legal foundations of the EU’s foreign energy policy and energy diplomacy have not developed. It is noted that the legitimacy of unilateral restrictive measures applied in energy diplomacy by a number of states is indisputable from the point of view of international law. The main directions of the relationship between energy diplomacy and international law are outlined in detail, options for legitimizing the national interests of states in the energy sector based on the potential of international law are highlighted.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The main conclusions of the study are as follows. Firstly, energy diplomacy is a new functional area of diplomatic activity. It has a single essence with “classical” diplomacy (to serve as a means of implementing foreign policy, in accordance with international law) and, at the same*

time, is characterized by a number of features derived from the energy sector and energy law (a special focus on the implementation of the goals and objectives of the state's foreign energy policy, the participation of energy departments in it and the connection of energy companies, methods used in it). Secondly, energy diplomacy and international law in the process of their development and functioning are mutually linked and have a reciprocal influence. International law, firstly, defines the legal framework and forms of implementation of energy diplomacy (as well as diplomatic activity in general), and secondly, plays a decisive role in legitimizing the national interests of states in the field of foreign energy policy carried out through energy diplomacy. In turn, energy diplomacy, relying on the potential of international law, contributes to ensuring energy security (national and international) and,

thereby, to maintaining the international energy order. In general, energy diplomacy influences the process of creation and operation of international law norms and contributes to the development of international law.

KEYWORDS: energy diplomacy, diplomacy, international energy cooperation, foreign energy policy, international law

FOR CITATION: Lobanov S.A., Surkhayeva Ya.J. International Legal Approach to Understanding Energy Diplomacy. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 57–79. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Категория «энергетическая дипломатия» введена в научный оборот относительно недавно, при этом используется политическими деятелями и активно разрабатывается представителями целого ряда наук (экономики, политологии, истории и др.)¹. Возрастающий интерес к энергетической дипломатии со стороны ученых и практиков, в свою очередь, объясняется ее потенциалом для обеспечения энергетической безопасности и для расширения возможностей энергетического сектора (соответствующей страны, либо регионального межгосударственного объединения) в современных условиях международного сотрудничества и соперничества в энергетической сфере². Исследователи подчеркивают особую значимость междисциплинарного подхода к изучению энергетической дипломатии [Жизнин, Трусова 2019:475-476].

Вместе с тем, как это ни странно, феномен энергетической дипломатии пока не получил адекватного его теоретической и практической значимости отражения в юридической литературе, включая литературу по международному праву. Так, в отдельных публикациях [Жукова 2010:51-54] рассматриваются некоторые правовые аспекты энергетической дипломатии, однако монографические исследования, посвященные проблеме энергетической дипломатии в контексте международно-правового регулирования, отсутствуют.

Принимая во внимание то обстоятельство, что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в условиях международно-правовой среды и подвержена международно-правовому регулированию, данная ситуация выглядит пробелом науки международного права и, как представляется, не только обедняет понимание рассматриваемого феномена, но и,

¹ См., напр.: Богучарский М.Е. *Энергетическая дипломатия Европейского Союза*. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005; Григорьева О.В. *Энергетическая дипломатия стран Северной Европы: процесс становления и перспективы развития*. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2015; Жизнин С.З. *Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие*. М.: МГИМО-Университет, 2017; Райнхардт Р.О. *Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского Союза*. Дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2015; Серегина А.А. *Экономико-энергетическая дипломатия в условиях четвертого энергоперехода: учеб. пособие*. М.: ИНФРА-М, 2022; Черницына С.Ю. *Роль энергетической дипломатии во внешней политике России*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015 и др.

² Подробнее о сочетании сотрудничества и соперничества в международных отношениях, см., напр., [Боровский 2018].

по всей видимости, сдерживает развитие энергетической дипломатии, снижает ее эффективность.

2. Дипломатия – средство осуществления внешней политики в соответствии с международным правом

Следует начать с того, что энергетическая дипломатия производна от понятия «дипломатия», последнее выступает по отношению к первому как родовое. Имеющий греческое происхождение, термин «дипломатия»³ используется в официальных документах для обозначения официальной деятельности по ведению международных дел начиная с середины XVII в. Постепенно происходит теоретическое осмысление дипломатии как искусства и науки ведения международных дел и переговоров. В дальнейшем дефиниции дипломатии эволюционируют, отображая изменения в данном феномене во взаимосвязи с развитием международных отношений [Попов 2010:14-16].

Как отмечают исследователи [Монастырецкая 2015:83-86], в настоящее время дипломатию трактуют в широком (как совокупность разнообразных средств, методов и правовых форм, к которым прибегает государство в процессе осуществления своих внешних функций) и узком (как искусство осуществления международной политики путем представительства своей страны в международных отношениях) смысле слова. С широких позиций дипломатию также рассматривают и как «способ влияния на принятие решений зарубежными акторами и их поведение через диалог и переговоры, то есть через невоенные и ненасильственные методы» [Зонова 2014:7].

В целом же, как не без оснований отмечено в литературе, «определение дипломатии пока не получило однозначной и всеми признанной формулировки и подчас порождает немало споров» [Уртаева 2011:4].

Изучение специальной литературы позволяет также вести речь о преемственности и развитии научных подходов к пониманию дипломатии, ее форм и связи с международным правом.

Авторитетный отечественный ученый в области международного права Д.Б. Левин определял дипломатию как деятельность глав государств, правительств, ведомств иностранных дел, специальных делегаций и миссий, дипломатических представительств по осуществлению мирными средствами целей и задач внешней политики государства [Левин 1962:14-15].

Согласно Дипломатическому словарю, дипломатия – это «средство осуществления внешней политики государства, представляющее собой совокупность невоенных практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач; официальная деятельность глав государств и правительств, министров иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом, делегаций на международных конференциях по осуществлению целей и задач внешней политики государства, защите прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей»⁴. Здесь же отмечено: «С понятием „дипломатия“ связывают искусство ведения переговоров в целях урегулирования международных конфликтов, поисков компромиссов и взаимоприемлемых решений, а также расширения и углубления международного сотрудничества»⁵.

Дипломатия (в ее классическом понимании), как это следует из приведенных дефиниций, обладает рядом отличительных признаков: выступает средством осуществления внешней политики государства; носит официальный характер (проявляющий себя среди прочего в официально закреплённом круге полномочных на ее осуществление субъектов); реализуется посредством невоенных (не связанных с применением силы) мероприятий, приемов и методов; направлена на защиту национальных интересов государства за его пределами, предупреждение и урегулирование международных конфликтов, содействие международному сотрудничеству.

Представляется, что понимание дипломатии в качестве средства осуществления внешней политики и деятельности государства (в лице его органов и должностных лиц, наделенных

³ Словом *diplōma* в Древней Греции именовались сдвоенные таблички с нанесенными на них письменами, выдававшиеся посланниками по мере прибытия в страну, в качестве верительных грамот и документов, подтверждающих их полномочия. См.: *Российский энциклопедический словарь*. Кн. 1. Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 2001. С. 460.

⁴ *Дипломатический словарь*: в 3 т. Т. 1. Под ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалева, П.П. Севостьянова, С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1984. С. 327.

⁵ Там же.

соответствующими полномочиями) не заключает в себе противоречия. Более того, такой подход позволяет выявить содержательную и институциональную связь дипломатии и внешней политики.

В целом, как отмечает Е.Я. Павлов, «дипломатия, в ее классическом варианте, представляет прежде всего политическую деятельность компетентных государственных органов, направленную на реализацию внешней политики государства» [Павлов 2018:102].

В свою очередь, внешняя политика государства определяется в различных словарях, как «общий курс государства в международных делах»⁶, «политика, призванная регулировать взаимоотношения между государствами и народами на международной арене»⁷, «сфера деятельности государства, которая охватывает отношения между государствами»⁸.

Заметим, что согласно подходу, отраженному в современной отечественной литературе по международному праву, частью внешней политики государства является его (государства) международно-правовая политика (последняя, как отмечает В.С. Хижняк «направлена на решение именно юридических вопросов») [Хижняк 2021:5]. Исследовавшая проблему международно-правовой политики государств в современном международно-правовом порядке О.С. Магомедова понимает под международно-правовой политикой государства деятельность государства (его органов и представителей), определяемую его национальными интересами, направленную «на международно-правовую легитимацию позиций данного государства, занятых по вопросам международного права»⁹. А.Н. Вылегжанин и И.П. Дудыкина, проанализировав ряд актуальных вопросов проблемы международно-правовой политики государства, также при ее характеристике используют термины «внешняя правовая политика», «внешняя юридическая

политика государства» [Вылегжанин, Дудыкина 2016:21-37].

Важно отметить, что в некоторых определениях дипломатии, данных юристами-международниками, указано также на ее связь с международным правом.

По обоснованному мнению И.Н. Арцибасова, «дипломатия – это важнейшее средство осуществления внешней политики государства, это важнейший инструмент создания норм международного права. При проведении внешней политики государства должны соотноситься свои действия со своими обязательствами по международным делам»¹⁰.

Как отмечает П.Н. Бирюков, «дипломатическая деятельность государств регулируется нормами международного и национального права, в которых устанавливаются органы внешних сношений государств, регламентируются их полномочия, определяются формы дипломатической деятельности и другие вопросы»¹¹. В свою очередь, к правовым формам (урегулированным нормами международного права, мероприятиям, приемам и методам дипломатической деятельности государств) указанным автором отнесены: международные переговоры, заключение международных договоров, дипломатическая переписка, представительство государств в международных организациях и участие в работе международных конференций¹².

Констатация взаимосвязи дипломатии и международного права, проводимая в работах ряда юристов-международников [Ашавский 2018:77-84; Левин 1981:3-130; Тункин 1970:3-130; Сорокина 2003:13-18], имеет принципиально важное значение для выработки ее корректного понимания, а также представления о ее новых формах, включая энергетическую дипломатию.

Исходя из приведенных дефиниций дипломатии и обобщения указанных в них конститутивных признаков, ее сущность¹³ может быть

⁶ *Дипломатический словарь*. М., 1985. С. 207.

⁷ *Краткий политический словарь*. М., 1987. С. 64.

⁸ *Большой энциклопедический словарь*. М., 2000. С. 934.

⁹ Магомедова О.С. *Концепция международно-правовой политики государства в зарубежных юридических исследованиях*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 38.

¹⁰ Арцибасов И.Н. *Международное право: учеб.* М.: Военный университет, 1997. С. 149.

¹¹ Бирюков П.Н. *Международное право: учеб. для вузов*. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. С. 471.

¹² Там же.

¹³ Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия. См.: *Философский энциклопедический словарь*. Под ред. А.М. Прохорова. М., 1989. С. 458.

представлена следующей формулировкой: *дипломатия – это средство осуществления внешней политики государства при помощи деятельности компетентных субъектов, связанной с применением невоенных мероприятий, приемов и методов, в соответствии с международным правом*. При этом применительно к классической модели дипломатии речь идет о деятельности наделенных соответствующими полномочиями государственных органов и должностных лиц (органов внешних сношений государств), направленной на реализацию целей и задач внешней политики государства¹⁴.

3. Новые формы дипломатии и их международно-правовая составляющая

Как отмечал известный ученый в области международного права И.П. Блищенко, «с развитием отношений между субъектами международного права могут возникать новые формы дипломатической деятельности» [Блищенко 1990:4].

Этот тезис подтверждается современной практикой международных отношений и их международно-правового регулирования, получает поддержку и развитие в работах юристов-

международников и представителей других отраслей научных знаний. Во взаимосвязи с изменениями в системе международных отношений и их международно-правового регулирования, развитием международных организаций и конференций при определяющей роли Организации Объединенных Наций (далее – ООН), эволюционирует многосторонняя дипломатия¹⁵. Некоторые современные исследователи¹⁶ [Smith, Keukeleire, Vanhoonacker 2015] обосновывают появление интеграционной дипломатии (как новой разновидности многосторонней дипломатии), рассматривая ее главным образом на примере организации многосторонней дипломатии в ЕС.

В научной литературе и официальных документах, принимаемых как в рамках международно-правового сотрудничества, так и во внутреннем праве государств выделяются и характеризуются в качестве перспективных направлений: парламентская [Варлен 2019:54-65], экономическая [Дегтерев 2010], культурная [Ганиевой 2020:209-214], спортивная [Мартыненко 2018:25-29], научная [Павлов 2018:102-120; Berkman, Kullerud, Pope, Vylegzhanin, Young 2017:596-598], превентивная¹⁷, а также публичная дипломатия [Шамугия 2017:137], включаю-

¹⁴ Лукашук И.И. *Международное право. Особенная часть*: учеб. М., 1997. С. 42.

¹⁵ Под многосторонней дипломатией в широком смысле принято понимать «дипломатическую деятельность с участием представителей нескольких государств, связанную с работой международных межправительственных организаций и конференций, проведением переговоров, консультаций и т. п.». См.: Винокуров В.И. *Современная дипломатическая система: Теория и практика*: учеб. Под общ. ред. М.П. Торшина. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2022. С. 158.

Вопросы многосторонней дипломатии, включая международно-правовые основы, а также возрастание ее роли и современные тенденции развития, нашли отражение в литературе. См., напр.: Лебедева О.В. *Институты многосторонней дипломатии*: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2019; Рыбаков Ю.М. *Современная дипломатия и формирование новой политико-дипломатической системы*: учеб. пособие. М., 2015. С. 210-221; [Kaufmann 1988; Ганюшкин 1972; Олеандров 2013:69-76].

¹⁶ Дурдыева А.А. *Дипломатические структуры и инструменты дипломатии Европейского Союза и государств-членов: соотношение и взаимосвязь*. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2017. 245 с.

¹⁷ Автором термина «превентивная дипломатия», обосновывающим ее применение в условиях современных международных отношений, принято считать бывшего Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. См.: Гали Б.Б. *Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира*. Нью-Йорк: ООН, 1992.

Термин «превентивная дипломатия» употребляется в различных международно-правовых документах, принятых на универсальном, региональном и двустороннем уровнях (в их числе: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (принят в г. Нью-Йорке 02.12.2004 на 59-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Протокольное решение Совета министров иностранных дел СНГ «О реализации Плана многоуровневых межмидовских консультаций в рамках Содружества Независимых Государств на 2021 год» (принято в г. Душанбе 13.05.2022); Программа сотрудничества между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Туркменистана на 2010 год (принята в г. Ашхабаде 16.03.2010)).

Следует учитывать, что по инициативе Туркменистана, получившей поддержку со стороны других государств и ООН, в Ашхабаде был создан Региональный центр ООН по превентивной дипломатии (РЦПД) для Центральной Азии. Примечательно, что среди направлений его работы обозначены проблемы, связанные с ухудшением экологической обстановки и совместного использования энергоресурсов. Об этом см.: Джамиева Г.Н. *История становления и развития Туркменистана как нейтрального государства (1995–2015 гг.)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2018. С. 22.

чая ее новейшую форму – «цифровую» или «публичную дипломатию Web 2.0» [Сурма 2020].

Нужно пояснить, что перечисленные новые формы дипломатии, строго говоря, не являются дипломатией в ее классическом понимании, не содержат всех признаков последней (в частности, имеется в виду присущий классической дипломатии официальный характер, проявляющий себя среди прочего в официально закреплённом круге полномочных на ее осуществление субъектов, представляющих соответствующее государство). Как обоснованно отмечают исследователи, в литературе и официальных документах отсутствует единый понятийно-терминологический аппарат, применимый к трактовке указанных форм, а также и к их соотношению друг с другом [Шамугия 2017:136-142], что, по всей видимости, препятствует системной выработке мер по их реализации, снижает их эффективность.

Вместе с тем, во-первых, указанные формы дипломатии реализуются при поддержке государств, используются для осуществления внешней политики, содействуют международному сотрудничеству в определенных областях (экономика, культура, наука) и, в целом, – поддержанию нормальных политических отношений между государствами.

Во-вторых, эти формы дипломатии (так же как и классическая дипломатия) развиваются в условиях правовой среды и подвержены нормативно-правовому регулированию (нормами международного права и внутригосударственного права соответствующих государств – участников международного общения, поддерживающих внешнеэкономические, международные культурные и научные проекты национальных компаний, общественных и научных организаций, своих граждан). Кроме того, осуществление указанных форм дипломатии может оказывать влияние на развитие международного права и национального права государств.

Особая значимость ресурсов в современном мире в сочетании с возможностями внешней политики (и ее инструмента – дипломатии) обеспечивать ресурсные потребности государств, способствовала появлению такого термина, как

«дипломатия ресурсов». Как отмечает академик А.В. Торкунов, «синтез двух терминов „дипломатия“ и „ресурсы“ дает в результате новое понятие, обладающее большим эвристическим потенциалом. Формирование нового термина „дипломатия ресурсов“ связано с максимально широкой трактовкой каждого составляющего компонента» [Дипломатия ресурсов... 2008:9].

По мнению С.Ю. Черницыной, исследовавшей проблему роли энергетической дипломатии во внешней политике России, «в современном мире понятие „энергетическая дипломатия“ не полностью характеризует происходящие на мировом рынке энергоресурсов события. Помимо энергетики, которая на сегодняшний день уже получила статус традиционного инструмента реализации внешней политики государства, есть еще термин „ресурсы“, который в широком смысле понимается не только как уголь и нефть, газ и запасы воды, но и как передовые технологии, новые методы организации производства, использование международных финансовых механизмов»¹⁸.

Вместе с тем отметим, что термин «энергетическая дипломатия» получает все большее распространение в специальной литературе (отечественной и зарубежной), используется в официальных документах внешнеполитических ведомств. Как представляется, именно термин «энергетическая дипломатия» выглядит наиболее устоявшимся и наиболее точно отражает суть рассматриваемого феномена – нового функционального направления дипломатической деятельности.

Следует также иметь в виду, что наряду с термином «энергетическая дипломатия» в специальной литературе используются «нефтегазовая дипломатия», «газовая дипломатия», «нефтяная дипломатия», «дипломатия энергетического сервиса», «трубопроводная дипломатия»¹⁹ [Гумарова 2008; Кондаков 2012; Proedrou 2018:409-419].

Однако, во-первых, при таком подходе не принимается во внимание системный характер энергетики и энергетической дипломатии, их правового обеспечения. Во-вторых, следует согласиться с замечанием А.А. Серегиной,

¹⁸ Черницына С.Ю. *Роль энергетической дипломатии во внешней политике России*. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 24-25.

¹⁹ Гумарова И.С. *Приоритеты энергетической дипломатии России*. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2008. 325 с.; Зайцев М.С. *Исторический опыт нефтегазовой дипломатии России в СНГ на рубеже XX–XXI веков*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 28 с.

что «под влиянием энергоперехода эти партикулярные определения и дробления энергетической дипломатии теряют смысл. Даже специализирующиеся на углеводородах или энергосервисе государства и транснациональные компании расширяют в своих энергобалансах или продуктовых портфелях долю возобновляемых источников энергии и атомной энергетики»²⁰.

4. Особенности энергетики и энергетической дипломатии, значимые с точки зрения международного права

В специальной литературе энергетическую дипломатию нередко рассматривают в качестве одной из составляющих экономической дипломатии [Дегтерев 2010:7], некоторые авторы также используют термин «экономико-энергетическая дипломатия»²¹.

Согласно распространенной в отечественной литературе позиции, экономическая дипломатия в широком смысле является средством реализации внешнеэкономической политики государства. В предельно обобщенном виде экономическая дипломатия характеризуется как «система инструментов осуществления внешнеэкономической политики с помощью мирных (не военно-экономических) методов»^{22, 23}. В свою очередь, внешнеэкономическая политика представляет собой систему «государственных мероприятий, направленных на достижение экономикой данной страны определенных преимуществ на мировом рынке и защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции»; в связи с этим энергетическая дипломатия как составляющая экономической дипломатии, определяется формулой «внешнеполитическая деятельность по отстаиванию своих интересов в международных энергетических отношениях» [Дегтерев 2010:9].

Тезис о том, что энергетическая дипломатия выступает составляющей экономической дипломатии, как представляется, не лишен определенных оснований, принимая во внимание органичную связь энергетики с экономикой, то

обстоятельство, что энергетика выступает важнейшей инфраструктурной частью экономики.

Вместе с тем с опорой на специальную литературу [Салиева 2015:117-1121; Лисицын-Светланов 2021:8-12] правомерно вести речь и о существенной специфике энергетического сектора, международного энергетического сотрудничества, внешней энергетической политики и ее важнейшего средства – энергетической дипломатии, значимости и особенностях их правового (при помощи международного и внутригосударственного права) обеспечения.

Энергетика (в понимании энергосистемы, охватывающей, прежде всего, топливно-энергетический комплекс конкретной страны), исходя из сложившегося в науке подхода, представляет собой область народного хозяйства, включающую энергетические природные ресурсы, их поиск, разведку, добычу, выработку, преобразование, передачу, транспортировку, хранение, реализацию и использование различных видов энергии, энергетических материалов и продуктов [Правовой... 2002:247; Лахно 2019:32-45; Ефимцева 2019:82-84]. Одновременно энергетика характеризуется как область стратегических интересов страны, принимая во внимание то, что она оказывает решающее влияние на ситуацию во всех сферах жизнедеятельности общества (политической, экономической, социальной, экологической, военной и др.) [Новак 2019:6-11].

Общественные отношения, возникающие в топливно-энергетическом комплексе, в свою очередь, входят в предмет энергетического права. Не углубляясь в дискуссионные вопросы о месте энергетического права в системе права, его предмете, методе и составе его норм²⁴, отметим здесь солидарную позицию ученых-правоведов относительно значимости энергетического права в жизни общества. Как в полной мере обоснованно подчеркивает В.В. Романова: «Энергетическое право – отрасль права, объединяющая правовые нормы, регулирующие общественные отношения в связи с использованием энергетических ресурсов, без которых невозможна

²⁰ Серегина А.А. Экономико-энергетическая дипломатия в условиях четвертого энергоперехода: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 10.

²¹ Там же.

²² Райнхардт Р.О. *Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского Союза*. С. 45.

²³ Здесь мы абстрагируемся от разнообразных трактовок экономической дипломатии в отечественной и зарубежной литературе. Об этом более подробно см.: [Дегтерев 2010:5-7].

²⁴ Об этом см., напр., [Селиверстов 2008:52-58; Bradbrook 1996:193-217] и др.

жизнедеятельность ни физических, ни юридических лиц, ни бытовая, ни какая-либо профессиональная»²⁵.

Рост энергетических потребностей в конкретных странах, регионах и в мировом хозяйстве в целом, трансграничное развитие топливно-энергетических структур, рост цен на энергоносители предопределяют конкуренцию и международное сотрудничество в сфере энергетики, ее различных секторах и сегментах. В связи с этим, как уже отмечалось, особую роль играют дипломатические средства урегулирования разнообразных проблем международного энергетического сотрудничества и межгосударственного соперничества в энергетической сфере.

Международные отношения в энергетической сфере, очевидно, воспринимают специфику объекта (энергетические ресурсы, в свою очередь, подразделяемые по ряду оснований) и предмета (в самом общем приближении – деятельность в рамках международного сотрудничества в связи добычей, производством, транспортировкой и поставкой энергетических ресурсов). Различия правовой природы участников данной деятельности предопределяют постановку в специальной литературе вопроса о разграничении международных отношений в сфере энергетики на два вида: международные частные отношения (отношения между энергетическими компаниями разных государств) и международные публичные отношения (отношения между государствами, между государствами и международными организациями, между международными организациями, в том числе интеграционными объединениями)²⁶. Исследователи отмечают сложный и специфичный характер природы международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов [Богоненко 2017:131].

В юридической литературе [Гликман 2020:72-77] поднимается вопрос обособления совокупности соответствующих международно-правовых норм, объединяемых термином «международное

энергетическое право», при этом высказываются различные суждения относительно объектно-предметной сферы его регулирования и места в системе международного права.

Характеризуя *энергетическую дипломатию*, следует исходить из того, что она направлена на реализацию *внешней энергетической политики государства*.

Здесь следует обратить внимание на отмечаемую в современной специальной литературе [Гудков 2016:10-17; Кавешников 2013:82-91; Юдина 2021:190-199] тенденцию формирования внешней энергетической политики интеграционного межгосударственного объединения – ЕС. С учетом политической установки (заложенной в принятой в 2015 г. Стратегии Энергетического союза²⁷, ориентированной на появление у государств – членов ЕС «единого голоса» на международной энергетической арене) Европейская комиссия активно продвигает инициативы по усилению наднациональных полномочий в топливно-энергетическом комплексе как в вопросах регулирования внутреннего энергетического рынка, так и в области внешних энергетических отношений. Следует также обратить внимание на то, что в рамках проводимого курса на формирование общей внешней политики ЕС Лиссабонским договором²⁸ был введен пост Высокого (Верховного) представителя по иностранным делам и политике безопасности, а также учреждены и вспомогательные органы – Европейская служба внешнеполитической деятельности и Комитет по вопросам внешней политики и безопасности.

Между тем, как отмечает О.М. Мещерякова (с опорой на соответствующие положения Договора о Европейском союзе в Лиссабонской редакции), «по сути, полномочия Верховного представителя являются лишь представительскими, а последнее слово остается за двумя межправительственными органами – Европейским советом и Советом Европейского союза, т. е. за государствами-членами» [Мещерякова 2013:20-23].

²⁵ Романова В.В. *Энергетическое право*: учеб. для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа «Юрист», 2021. С. 9.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Communication from the Commission "A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy". 25.02.2015. COM (2015) 80 final.

²⁸ Договор, изменяющий Договор о Европейском союзе, и Договор, учреждающий Европейское сообщество. 2007 г. (Лиссабонский договор).

Вопросы внешней энергетической политики ЕС остаются за рамками полномочий указанных органов, введенных Лиссабонским договором, а усиление внешней энергетической компетенции ЕС носит, по мнению исследователей, в значительной степени формальный характер, поскольку в отличие от суверенных государств – членов ЕС, обладающих универсальной международной правосубъектностью, международная правосубъектность ЕС является делегированной, ограниченной и целевой, «даже при реализации своей исключительной внешней компетенции у Евросоюза нет „рамочного мандата“ на заключение международных договоров с третьими странами» [Гудков 2016:17].

В связи с этим, в настоящее время преждевременно вести речь о сложившейся единой внешней (в том числе, внешней энергетической) политике ЕС, ее полноценных нормативно-правовых и институционально-правовых основах.

Под внешней энергетической политикой в специальной литературе²⁹ понимается «сфера деятельности государства в международных отношениях по защите и отстаиванию национальных интересов, обусловленных производством, транспортировкой и потреблением энергоресурсов». Исследователи в полной мере обоснованно указывают на то, что «цели, задачи, приоритеты и направления внешней энергетической политики тесно переплетаются с внешней политикой»³⁰.

В основе внешней политики государства – национальные (государственные) интересы – осознанные официально выраженные объективные потребности общества (нации, государства), вытекающие из его национальных ценностей, направленные на сохранение, создание или достижение благоприятных условий для его стабильного существования и устойчивого развития [Шумилов 2000:4-17]. Наряду с отдельными совпадающими национальными интересами всех государств, иные интересы государств «могут не совпадать, даже противоречить друг другу» [Вылегжанин, Дудыкина 2016:26]. Вместе с тем политика любого государства должна соответствовать основным принципам международного права [Вылегжанин, Дудыкина 2016:29], выражающим стержневые положения универсального уровня международно-правового регулирования [Ануфриева 2021:6-27; Crawford 2019].

Национальные (государственные) интересы, определяющие характер внешней энергетической политики соответствующего государства, в свою очередь, производны от состояния его топливно-энергетического комплекса, обеспеченности государства теми или иными энергетическими ресурсами, возможностями их предложения другим государствам или, напротив, потребностями приобретения их от внешних поставщиков. Кроме того, особенности географического положения страны, связанные с возможностями транзита по ее территории энергоресурсов, также влияют на проводимую данной страной внешнюю энергетическую политику. Заметим, что указанные интересы стран-потребителей (импортеров) энергоресурсов, стран-экспортеров энергоресурсов и стран-транзитеров энергоресурсов во многом определяют отношение указанных стран к проблеме энергетической безопасности, разнообразие ее трактовок.

Примечательно, что и дефиниции энергетической дипломатии, данные представителями различных стран, нередко отражают национальный подход соответствующего государства в энергетической сфере и особенности проводимой государством внешней энергетической политики во взаимосвязи со сложившимся в данном государстве пониманием энергетической безопасности.

Так, по мнению немецких исследователей А. Голдтау и Я. Витте, энергетическая дипломатия – это метод использования внешней политики в целях обеспечения безопасного доступа к запасам сырья и продвижения межгосударственного сотрудничества в энергетическом секторе [Goldthau, Witte 2010:25-28].

Норвежский исследователь К. Оффердал рассматривает энергетическую дипломатию как инструмент государства по продвижению собственных национальных интересов в энергетической сфере, а также для решения потенциально конфликтных вопросов энергетического взаимодействия в рамках двухсторонних и многосторонних переговоров [Offerdal 2010:39].

Турецкие исследователи М. Улудаг и С. Карагул определяют энергетическую дипломатию как дипломатический инструмент, нацеленный на использование энергоресурсов для

²⁹ Жизнин С.З. *Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие*. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 7.

³⁰ Там же.

осуществления национальных интересов в двухсторонних, многосторонних, глобальных и региональных отношениях энергетического спроса и предложения [Uludag, Karagul 2013:102-114].

Как полагает китайский исследователь Ф. Юйцзюнь, энергетическая дипломатия – это механизм долгосрочного воздействия на международную структуру энергетической безопасности, инструмент участия в системе мирового хозяйства и средство поддержания геостратегического влияния страны [Энергетические изменения... 2007:242].

В литературе [Боровский 2018:45-92] обращено внимание на эволюцию понимания энергетической безопасности, придание ей в настоящее время глобального измерения³¹, ее многогранный и многоуровневый [Ковалев, Шилова 2008:61] и системный, включающий инструменты национальной политики и международных институтов [Шевченко 2021:29], характер.

Принимая во внимание приведенные суждения и существующую практику, правомерно вести речь о том, что внешняя энергетическая политика государства и энергетическая дипломатия как средство ее осуществления ориентированы на решение, по крайней мере, двух взаимосвязанных задач. Во-первых, задачи обеспечения энергетической безопасности (ее национального уровня, а также и в определенной мере, во взаимосвязи с участием государства в международном энергетическом сотрудничестве, международной энергетической безопасности). Во-вторых, задачи расширения возможностей энергетического сектора данного государства, в том числе во взаимосвязи с продвижением национальных компаний на внешние энергетические рынки, обеспечением их полноценного участия в стратегически важных для данного государства международных энергетических проектах³².

Важно отметить, что указанные задачи должны решаться с учетом обязательных для данного государства международно-правовых положений – основных принципов международного права, норм международных договоров с его участием, обычных норм международного права. При соблюдении данного условия энер-

гетическая дипломатия может быть отнесена к инструментам поддержания международного энергетического правопорядка (проблема международного энергетического правопорядка получает последовательное отражение в специальной литературе [Романова 2015:9-12]).

Энергетическая дипломатия, как и классическая, реализуется в деятельности компетентных государственных органов (прежде всего, внутригосударственных и зарубежных органов внешних сношений), связанной с использованием соответствующих мероприятий, приемов и методов – правовых форм дипломатии.

Вместе с тем специфика энергетики и энергетической дипломатии определяет особенности круга и правового статуса ее субъектов и нормативно-правового регулирования, а также содержания применяемых ими приемов и методов (правовых форм энергетической дипломатии).

Как показывает практика, наряду с органами внешних сношений, в состав участников энергетической дипломатии государства включаются энергетические, торгово-экономические, иные ведомственные структуры, представители государства в международных организациях (в том числе специализирующихся на вопросах международного энергетического сотрудничества), а также ведущие национальные компании, прежде всего, энергетические. Иными словами, участники энергетической дипломатии представлены, во-первых, государственными органами и должностными лицами, и, во-вторых, не входящими в систему государственных органов юридическими лицами. Несмотря на то что правовой статус и функции двух обозначенных групп существенно различаются, внешнеполитические интересы государства (в лице его органов) и корпоративные интересы его компаний не всегда совпадают, потребности проведения эффективной внешней энергетической политики определяют взаимодействие государственных и негосударственных участников энергетической дипломатии. При этом, с одной стороны, государство осуществляет разностороннюю поддержку своих компаний и сопровождение их международных энергетических проектов. С другой стороны, как отмечают исследователи, ведущие национальные

³¹ Трачук К.В. *Энергетическая безопасность России в ее отношениях с Европой: международные аспекты (2000–2014 гг.)*. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2016. С. 28.

³² При этом вполне понятно, что спектр вопросов, разрешаемых с помощью энергетической дипломатии намного шире. Об этом см., напр., [Жукова 2010:51].

компаниям с опорой на поддержку своего государства не только расширяют свои возможности (среди прочего на внешних энергетических рынках), но и содействуют обеспечению национальной энергетической безопасности [Жизнин 2017:54-55].

В литературе [Гумарова 2008:141] отмечается, что основным методом энергетической дипломатии являются переговоры, при этом «чаще всего они проводятся с практически неизменным кругом акторов по одним и тем же чувствительным регулярно возобновляемым вопросам объема энергопоставок, энергетической безопасности и стоимости транзита сырья»³³.

Потребности координации усилий и действий, предпринимаемых участниками энергетической дипломатии, определяют здесь роль международных организаций и конференций энергетического профиля. При условии конструктивной работы международных организаций и конференций, полноформатного участия в них государств, представляющих ведущих экспортеров и потребителей энергоресурсов, правомерно вести речь о реализации такого обосновываемого в современной специальной литературе [Жизнин 2017:16] метода энергетической дипломатии, как *стратегическое взаимодействие* (взаимодействие государств и других субъектов международного энергетического сотрудничества во имя общего блага).

Полагаем, что применяемый в энергетической дипломатии метод стратегического взаимодействия следует рассматривать во взаимосвязи с таким специфическим инструментом, также широко используемым в энергетической дипломатии, как *энергетический диалог*. В литературе приводят примеры того, как в ходе становления и развития международного энергетического сотрудничества и его нормативно-правовых и институционально-правовых основ, энерге-

тический диалог использовался отдельными государствами и вносил вклад в обеспечение международной безопасности уже во второй половине XX в. [Келлер 2022] В современных условиях энергетический диалог широко востребован как на уровне двустороннего межгосударственного сотрудничества, так и с использованием потенциала многосторонней дипломатии, и осуществляется в соответствии с применимыми нормами международного права³⁴.

Участие в многосторонних саммитах, конференциях и переговорах (как многосторонних, так и на двусторонней основе) включает в себе информационно-коммуникационный потенциал, поскольку «партнеры получают возможность познакомиться друг с другом и получить достоверную информацию из прямых источников»³⁵. Кроме того, в ходе ведения переговоров (среди прочего под эгидой международных организаций и конференций) могут подготавливаться тексты многосторонних и двусторонних международных договоров, иных документов по вопросам международного энергетического сотрудничества. Заметим, что в межправительственных соглашениях по вопросам энергетического сотрудничества (в частности, по вопросам поставок энергоресурсов) могут быть указаны компании договаривающихся стран, уполномоченные на осуществление действий по проектированию, строительству, эксплуатации определяемых в соответствующем международном соглашении энергетических объектов, а также на поставку энергоресурсов.

В свою очередь, на базе межправительственных соглашений принимаются соглашения непосредственно между уполномоченными компаниями³⁶.

В специальной литературе также обращается внимание на следующее обстоятельство: «Для достижения политических и экономических це-

³³ Григорьева О.В. *Энергетическая дипломатия стран Северной Европы: процесс становления и перспективы развития*. С. 42.

³⁴ Об этом см., напр., [Ахмед 2018:342-355; Гудков 2014:28; Носова 2011:39-47; Пэн 2018:24-29; Танака 2008:9-13; Юдина 2022:40-75] и др.

³⁵ Григорьева О.В. *Энергетическая дипломатия стран Северной Европы: процесс становления и перспективы развития*. С. 42.

³⁶ В качестве примера можно указать на разработанное и принятое в рамках проекта «Сила Сибири» Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «восточному маршруту» (от 13 октября 2014 г.). Стороны Соглашения в ст. 2 определили, что уполномоченными организациями, осуществляющими проектирование, строительство и эксплуатацию трансграничного участка газопровода на территории своего государства, а также поставку природного газа по трансграничному участку газопровода от России является ОАО «Газпром» (в настоящее время – ПАО «Газпром»), а от Китая – Китайская

лей энергетическая дипломатия нередко прибегает к использованию таких рычагов воздействия на страны импортеры, как эмбарго³⁷ или угроза его применения, а также различного рода санкции»³⁸.

С учетом обосновываемой отечественными юристами-международниками позиции³⁹ [Крицкий 2017:131-140], полагаем, что легитимность приемов и методов энергетической дипломатии, связанных с так называемыми санкциями (односторонними ограничительными мерами государств, интеграционного объединения ЕС, затрагивающими топливно-энергетический комплекс других государств) с точки зрения международного права носит небесспорный характер.

К специфическим (производным от свойств энергетического сектора экономики, особенностей недропользования) методам и средствам энергетической дипломатии, в частности, относятся экономико-статистические данные о запасах энергетических ресурсов, об уровнях их добычи, ценах, тарифах и т. д. [Жизнин 2017:16-17].

Энергетическая дипломатия в силу особой значимости и существенной специфики энергетического сектора, международного энергетического сотрудничества и внешней энергетической политики государств, их правового обеспечения (с опорой на нормы международного и внутригосударственного права) имеет самостоятельное значение, заключает в себе ряд особенностей и должна быть выделена в отдельное новое направление дипломатической деятельности.

В целом, с учетом обосновываемого в данной статье подхода и отмеченных выше особенностей, предлагается рассматривать *энергетическую дипломатию как средство осуществления внешней энергетической политики государств при помощи деятельности органов внешних сношений, энергетических ведомств, иных компетентных государственных органов и должностных лиц, представителей государств в международных*

организациях, проводимой совместно с ведущими национальными компаниями (прежде всего, энергетическими). Указанная деятельность связана с применением мероприятий, приемов и методов классической дипломатии (международные переговоры, заключение международных договоров, дипломатическая переписка, представительство государств в международных организациях и участие в работе международных конференций), специфических инструментов (метод стратегического взаимодействия, энергетический диалог, экономико-статистические данные об энергетических ресурсах и др.), в соответствии с международным правом.

5. Основные направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права

С опорой на разработанные в литературе по международному праву, положения о взаимном влиянии международного права и дипломатии⁴⁰ и с учетом отмеченной специфики энергетического сектора, международного энергетического сотрудничества и энергетической дипломатии, выделим следующие направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права.

Первое. *Международное право определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом дипломатической деятельности).*

Во-первых, энергетическая дипломатия (как и в целом дипломатическая деятельность) должна осуществляться в соответствии с основными принципами международного права (среди них, закрепленные в ст. 2 Устава ООН принципы суверенного равенства государств, добросовестного выполнения международно-правовых обязательств, разрешения международных споров мирными средствами, воздержания в междуна-

национальная нефтегазовая корпорация (КННК). В свою очередь, во взаимосвязи с данным Соглашением и в целях его исполнения указанные компании заключили между собой ряд соглашений (в частности, Договор купли-продажи природного газа из России в Китай по «восточному» маршруту 2014 г., Техническое соглашение – приложение к Договору купли-продажи природного газа 2014 г.). Об этом см., напр., [Романова 2015:12-16].

³⁷ В качестве примера в литературе приводится следующий: в октябре 1973 г. Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) выступила против политики США в арабо-израильской войне, введя эмбарго на поставки нефти в США и увеличив на 70 % отпускные цены для западноевропейских союзников американцев. См.: [Гумарова 2008:142].

³⁸ Черницына С.Ю. *Роль энергетической дипломатии во внешней политике России*. С. 33.

³⁹ Крицкий К.В. *Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 31-82, 122.

⁴⁰ По этому вопросу см., напр., [Ашавский 2018:77-84; Левин 1981:3-130; Тункин 1970:307-341] и др.

родных отношениях от угрозы силой или ее применения, невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства).

Применительно к энергетической дипломатии следует, кроме того, учитывать действие специальных принципов, выделяемых с опорой на действующее международное право в литературе⁴¹, направленных на упорядочение международно-правового сотрудничества государств в энергетической сфере.

Следует также обратить внимание на инициативу России по проекту Конвенции по обеспечению международной глобальной безопасности, оформленной в опубликованном 21 апреля 2009 г. документе под названием «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы)»⁴².

К числу основных принципов международно-го сотрудничества в сфере энергетики в данном документе отнесены, в частности:

- 1) признание неделимости устойчивой глобальной энергетической безопасности;
- 2) взаимная ответственность стран – потребителей и поставщиков углеводородов;
- 3) безусловный государственный суверенитет над национальными энергоресурсами;
- 4) содействие осуществлению инфраструктурных проектов, имеющих важное значение для обеспечения глобальной и региональной энергетической безопасности.

Во-вторых, нормы международного права (содержащиеся в международных договорах, а также относящиеся к международным обычаям) упорядочивают использование методов и приемов энергетической дипломатии (как и в целом, дипломатической деятельности), посредством определения правовых форм ведения переговоров, регламентации процесса заключения

международных договоров, представительства государств в международных организациях и участия в работе международных конференций.

Применительно к энергетической дипломатии правомерно высказать мысль о специфике соответствующих международно-правовых положений. Так, по обоснованному мнению современных исследователей [Вылегжанин, Салыгин, Крымская 2020:32, 30] во взаимосвязи с потребностями выработки международно-правовых механизмов неконфликтной политики государств в освоении трансграничных месторождений формируется практика заключения двусторонних международных договоров соседних заинтересованных государств, предусматривающих различные модели трансграничного недропользования. При этом государства, принимая во внимание интересы и возможные риски компаний, привлекаемых для участия в международных проектах, «идут по пути привлечения соответствующих компаний к переговорам по разработке международных соглашений о трансграничном недропользовании» [Вылегжанин, Салыгин, Крымская 2020:30]. Примечательно, что в самом международном договоре, предусматривающем механизм трансграничного недропользования, могут быть обозначены его соответствующие уровни (межгосударственный и корпоративный), а также механизм урегулирования возможных разногласий сторон⁴³; данные обстоятельства позитивно оцениваются отечественными и зарубежными исследователями [Фодченко 2018:63-69; Bankes 2016:141-164].

Значимость межгосударственного сотрудничества в энергетической сфере (среди прочего на двустороннем уровне) может быть подтверждена фактом заключения специального протокола к межправительственному соглашению, предусматривающего организационно-правовой механизм энергодиалога государств-участников⁴⁴.

⁴¹ Пацек М. *Международное энергетическое право*: учеб. пособие. Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Кириленко. СПб., 2018. С. 13-14.

⁴² См.: Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы) от 21 апреля 2009 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/258> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴³ Наглядным примером может служить Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 г. (непосредственно вопросам трансграничного недропользования посвящена его ст. 5) и Приложение II к нему «Трансграничные месторождения углеводородов» (по смыслу ст. 7 Договора указанное Приложение является его неотъемлемой частью).

⁴⁴ Наглядным примером может служить Протокол от 6 декабря 2012 г. к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав Правительств России и Китая от 27 июня 1997 г. Данным Протоколом предусмотрено учреждение Межправительственной российско-китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству для координации двустороннего сотрудничества в сфере энергетики по следующим направлениям: нефтегазовый комплекс; угольная промышленность; электроэнергетика, включая атомную электроэнергетику; энергоэффективность и возобновляемые источники энергии.

Второе. *Международное право играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии.*

Общий посыл состоит в том, что «международное право, предоставляя государствам определенные права, дает им дополнительную возможность и средства для отстаивания охраняемых этими правами интересов, то есть служит опорой для их внешней политики и дипломатии» [Левин 1981:113]. В современной литературе по международному праву обосновывается позиция, согласно которой «международно-правовая политика государства образована тремя основными элементами: национальными интересами государства и его волей к их претворению; признанием верховенства международного права в международных отношениях; целью международной легитимации поведения данного государства»⁴⁵.

Применительно к исследуемой теме можно указать на различные варианты легитимации национальных интересов государств в энергетической сфере с опорой на потенциал международного права.

Во-первых, может иметь место легитимация национальных интересов государств-участников во взаимосвязи с поиском компромисса при разрешении проблемы правового статуса объекта международно-правового регулирования и правового режима энергетического сотрудничества заинтересованных государств⁴⁶.

Во-вторых, государство, иницируя процесс разработки и заключения международного договора (участвуя в этом процессе) может содействовать продвижению своей международно-правовой позиции в опре-

деленной сфере международного энергетического сотрудничества⁴⁷.

В-третьих, государство при заключении международного договора (присоединении к многостороннему международному договору) может сделать оговорку, посредством которой, с учетом своих национальных интересов в энергетической сфере, оно желает исключить или изменить действие определенных положений договора в их применении к нему, либо (в том случае, если международный договор не допускает оговорок), государство может сделать заявление, отражающее его международно-правовую позицию в отношении определенных положений международного договора и его толкования и применения⁴⁸.

Третье. *Энергетическая дипломатия с опорой на потенциал международного права содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым – поддержанию международного энергетического правопорядка*⁴⁹.

Четвертое. *Энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в развитие международного права.*

Общий посыл состоит в том, что процесс образования норм международного права (договорных и обычных) есть, по сути дела, дипломатический процесс, протекающий (применительно к созданию норм международного договора) в ходе переговоров и последующих стадий заключения международного договора (подписание, ратификация, и др.), а применительно к созданию обычных норм международного права, проявляющий себя в роли дипломатической деятельности в формировании соответствующей международной практики и в признании государствами указанной практики в качестве

⁴⁵ Магомедова О.С. *Концепция международно-правовой политики государства в зарубежных юридических исследованиях*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 38.

⁴⁶ Примером может служить разработка прикаспийскими государствами (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран) Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Подробнее об этом см., напр., [Бекашев, Бекашев 2018:129-142].

⁴⁷ Примером может служить активное участие России в создании Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ) и его международно-правовых основ (Соглашения о функционировании ФСЭГ и Устава ФСЭГ), а также проведение своей международно-правовой позиции по вопросам международной торговли природным газом в документах ФСЭГ (в частности, в принятой по итогам Второго газового саммита 2013 г. «Московской декларации», в которой государства-члены единогласно поддержали основную роль долгосрочных контрактов и стремление продолжать поддерживать ценообразование на газ, основанное на индексации по корзине нефтепродуктов). Подробнее об этом см.: [Гуласарян 2015:34-40].

⁴⁸ Примером могут служить заявления, сделанные Россией при принятии Парижского соглашения 2015 г. по климату. Подробнее об этом см., напр., [Лобанов 2022:113-117].

⁴⁹ Данный тезис получил обоснование выше, при рассмотрении признаков энергетической дипломатии.

международного обычая [Тункин 1970:308-309]. Кроме того, как отметил Д.Б. Левин, «дипломатия, в ходе осуществления которой используются те или иные подходы и институты международного права, в немалой степени обуславливает конкретный характер соответствующих международных правоотношений» [Левин 1981:95], иными словами, дипломатическая деятельность оказывает влияние на применение норм международного права и их реальное социально-политическое содержание.

Приведенные утверждения, очевидно, распространяются и на сферу международного энергетического сотрудничества, они применимы к характеристике процессов создания и применения норм международного энергетического права. Следует также учитывать специфику энергетической дипломатии (отмеченную выше включенность в нее энергетических ведомств государств, подключение к участию в ней ведущих энергетических компаний, особенности энергодиалога и других применяемых в ней инструментов) и создаваемых с ее участием международно-правовых положений (во взаимосвязи с отмеченной выше спецификой международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов).

6. Заключение

Феномен энергетической дипломатии получает комплексную разработку в ряде отраслей научного знания (экономика, политология, история и др.), однако в юридической литературе, в том числе литературе по международному праву, ему практически не уделяется внимания. Принимая во внимание возрастающую значимость энергетической дипломатии для обеспечения энергетической безопасности, а также то обстоятельство, что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в условиях международно-правовой среды, данная ситуация выглядит пробелом науки международного права и, по всей видимости, сдерживает развитие энергетической дипломатии, снижает ее эффективность.

Энергетическая дипломатия выступает новым функциональным направлением дипломатической деятельности, имеет единую сущность с классической дипломатией (служить

средством осуществления внешней политики, в соответствии с международным правом) и одновременно характеризуется рядом особенностей, производных от специфики энергетики и международного энергетического сотрудничества, их правового обеспечения.

Указанные особенности заключаются в том, что энергетическая дипломатия направлена на реализацию внешней энергетической политики государства; круг ее участников включает в себя, наряду с органами внешних сношений, энергетические, торгово-экономические, иные ведомственные структуры государственно-правового механизма, представителей государства в международных организациях (среди прочего специализирующихся на вопросах международного энергетического сотрудничества), а также ведущие национальные компании, прежде всего, энергетические (соответственно, не входящие в систему государственных органов); используемые в ней мероприятия, приемы и методы (правовые формы) классической дипломатии приобретают специфику, производную от энергетического сектора и международного энергетического сотрудничества, кроме того, используются специфические инструменты, характерные именно для данного направления дипломатической деятельности (в частности, энергодиалог).

Энергетическая дипломатия и международное право в процессе своего развития и функционирования взаимно связаны и оказывают взаимное влияние друг на друга. Так, международное право, во-первых, определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом дипломатической деятельности), во-вторых, играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии.

В свою очередь, энергетическая дипломатия, с опорой на потенциал международного права, содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым поддержанию международного энергетического правопорядка. В целом, энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в развитие международного права.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6-27.
2. Ахмед М.А.Х. 2018. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения*. Т. 18. № 2. С. 342-355.
3. Ашавский Б.М. 2018. Взаимодействие внешней политики, дипломатии и международного права. – *Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве*. Матер. междунар. науч.-практ. конф. Отв. ред. Т.А. Сошникова, Е.Е. Пирогова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. С. 77-84.
4. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. 2018. Новый международно-правовой режим Каспийского моря. – *Труды ВНИРО*. Т. 174. С. 129-142.
5. Блищенко И.П. 1990. *Дипломатическое право*. 2-е изд., испр. и доп. М. 284 с.
6. Богоненко В.А. 2017. Правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. – *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки*. № 14. С. 127-132.
7. Боровский Ю.В. 2018. *Проблема энергетической безопасности в отношениях России и международного сообщества: сотрудничество и соперничество*: монография. М.: МГИМО-Университет. 439 с.
8. Варлен М.В. 2019. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире. – *Lex russica*. № 7. С. 54-65.
9. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. 2016. Понятие «международно-правовая политика государства». – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 21-37.
10. Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Крымская К.В. 2020. Трансграничное недропользование: международно-правовые механизмы неконфликтной политики государств. – *Международные процессы*. Т. 18. № 3(62). С. 23-41.
11. Ганиевой Ш.Н. 2020. Понятие и сущность дипломатии в современных условиях. – *Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук*. № 2. С. 209-214.
12. Ганюшкин Б.В. 1972. *Дипломатическое право международных организаций. Правовое положение представительств государств при международных организациях, в их органах и на международных конференциях*. М. 191 с.
13. Гликман О.В. 2020. Международное энергетическое право в системе международного права. – *Международный правовой курьер*. № 1-2. С. 72-77.
14. Гудков И.В. 2014. Энергетический диалог России и ЕС: актуальные политико-правовые проблемы. – *Вся Европа.ru*. № 7(89). С. 28.
15. Гудков И.В. 2016. Компетенция Европейского союза по регулированию отношений в энергетической сфере. – *Международное экономическое право*. № 1. С. 10-17.
16. Гуласарян А.С. 2015. Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ): международно-правовые аспекты деятельности. – *Правовой энергетический форум*. № 4. С. 34-40.
17. Гумарова И.С. 2008. Энергетическая дипломатия: методы, средства, формы и механизмы реализации. – *Вестник Пермского университета. Политология*. № 2(4). С. 141-146.
18. Дегтерев Д.А. 2010. *Экономическая дипломатия: экономика, политика, право*. М.: Навона. 174 с.
19. *Дипломатия ресурсов: Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века*. 2008. Пер. с ит. Отв. ред. А.В. Торкунов. Науч. ред. русского издания М.М. Наринский. М.: Навона. 445 с.
20. Ефимцева Т.В. 2019. Некоторые аспекты правового определения понятия «топливно-энергетический комплекс» по законодательству Российской Федерации. – *Право и государство: теория и практика*. № 7(175). С. 82-84.
21. Жизнин Т.З., Трусова А.А. 2019. Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики. – *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 3. С. 472-479.
22. Жукова И.С. 2010. Энергетическая дипломатия и геополитика как составной элемент международного энергетического права. – *Вестник Оренбургского государственного университета*. № 3(109). С. 51-54.
23. Зонина Т. В. 2014. *Дипломатия: Модели, формы, методы*. М.: Аспект Пресс. 346 с.
24. Кавешников Н.Ю. 2013. Развитие внешней энергетической политики Европейского Союза. – *Вестник МГИМО Университета*. № 4(31). С. 82-91.
25. Келлер А.В. 2022. Советско-германский энергетический диалог как залог разрядки в 1960–1970 гг. – *Studia Humanitatis*. № 3.
26. Ковалев А.А., Шилова Н.Л. 2008. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности. – *Московский журнал международного права*. № 3(71). С. 61-77.
27. Кондаков С.А. 2012. Трубопроводная дипломатия России. – *Международные отношения*. № 1. С. 128-138.
28. Крицкий К.В. 2017. Односторонние ограничительные меры (на примере внешней политики США). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 131-140.
29. Лахно П.Г. 2019. Об энергетическом праве и не только... – *Предпринимательское право*. № 4. С. 32-45.
30. Левин Д.Б. 1962. *Дипломатия: ее сущность, методы и формы*. М. 175 с.
31. Левин Д.Б. 1981. *Международное право, внешняя политика и дипломатия*. М.: Международные отношения. 143 с.
32. Лисицын-Светланов А.Г. 2021. Обоснование энергетической безопасности: некоторые задачи внутренней и внешней политики Российской Федерации. – *Правовой энергетический форум*. № 4. С. 8-12.
33. Лобанов С.А. 2022. Участие Российской Федерации в Парижском соглашении 2015 г. и правовое обеспечение развития ТЭК: проблемы и перспективы. – *Энергетическое право: модели и тенденции развития*. Сборник матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Под ред. А.В. Габова. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ». С. 113-117.

34. Мартыненко С.Е. 2018. Международно-правовые основы спортивной дипломатии. – *Юридическая наука*. № 4. С. 25-29.
35. Мещерякова О.М. 2013. Правовые основы европейской политики в сфере безопасности и Лиссабонский договор. – *Международное публичное и частное право*. № 5. С. 20-23.
36. Монастырецкая О.В. 2015. Основы дифференциации терминов международного права и дипломатии. – *Язык и мир изучаемого языка*. № 6. С. 83-86.
37. Новак А. 2019. Энергетика: взгляд в будущее. – *Энергетическая политика*. № 2. С. 6-11.
38. Носова И. 2011. Российско-японский энергетический диалог. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 39-47.
39. Олеандров В.Л. 2013. Многосторонняя дипломатия. – *Право и управление. XXI век*. № 2(27). С. 69-76.
40. Павлов Е.Я. 2018. Научная дипломатия в России: Конституционно-правовые основы. – *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. № 11(346). С. 102-120.
41. Попов В.И. 2010. *Современная дипломатия: теория и практика: дипломатия – наука и искусство*. М.: Международные отношения. 572 с.
42. *Правовой режим минеральных ресурсов. Словарь*. 2002. Под ред. А.А. Арбатова, В.Ж. Аренса, А.Н. Вылегжанина, Л.А. Тропко. М.: ООО «Геоинформцентр». 284 с.
43. Пэн Ч. 2018. Современный энергетический диалог Китая и стран членов ШОС в нефтегазовой сфере. – *Социосфера*. № 1. С. 24-29.
44. Романова В.В. 2015. Правовые основы развития международного энергетического правопорядка. – *Международное публичное и частное право*. № 3. С. 9-12.
45. Романова В.В. 2016. Внешнеэкономические сделки в газовой отрасли: особенности правового регулирования. – *Международное публичное и частное право*. № 3. С. 12-16.
46. Салиева Р.З. 2015. Особенности экономической (хозяйственной) деятельности в энергетическом секторе экономики. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 6. С. 1117-1121.
47. Селиверстов С.С. 2008. К вопросу о понятии энергетического права. – *Энергетическое право*. № 1. С. 52-58.
48. Сорокина Ю.В. 2003. Дипломатия как средство реализации внешней политики. – *Международно-правовые чтения*. Вып. 2. Отв. ред. П.Н. Бирюков. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 13-18.
49. Сурма И.В. 2020. Цифровая дипломатия: монография. М. 123 с.
50. Танака Н. 2008. Усиление зависимости и глобальной энергетической безопасности и важность энергетического диалога между МЭА и Россией. – *Энергетическая политика*. № 6. С. 9-13.
51. Тункин Г.И. 1970. *Теория международного права*. М.: Международные отношения. 511 с.
52. Уртаева Э.Б. 2011. Понятие энергетической дипломатии и интересы России. – *Политика и общество*. № 4(76). С. 4-11.
53. Фодченко И.П. 2018. Механизмы разрешения споров в российско-норвежской модели юнитизации трансграничных месторождений углеводородов в Баренцевом море и Арктике. – *Предпринимательское право*. № 4. С. 63-69.
54. Хижняк В.С. 2021. Взаимодействие внешней политики и международно-правовой политики Российской Федерации в вопросах реализации ее внешнеполитических интересов. – *Внешнестрановые интересы России: история и современность*. Сборник матер. IX Всерос. науч. конф. Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара. С. 3-7.
55. Шамугия И.Ш. 2017. Понятие «публичная дипломатия» в теории международных отношений. – *Актуальные проблемы современных международных отношений*. № 10. С. 136-142.
56. Шевченко Л.И. 2021. Понятие и правовое обеспечение энергетической безопасности как основы энергетического правопорядка. – *Правовой энергетический форум*. № 1. С. 26-31.
57. Шумилов В.М. 2000. Категория «Государственный интерес» в политике и праве (системно-теоретические и международно-правовые аспекты). – *Право и политика*. № 3. С. 4-17.
58. *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии*. 2007. Под ред. А.В. Торкунова. Науч. ред., сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО. 1039 с.
59. Юдина О.Н. 2021. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? – *Современная Европа*. № 1(101). С. 190-199.
60. Юдина О.Н. 2022. Энергетический диалог Россия – ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты. – *Вестник Московского университета. Сер. Международные отношения и мировая политика*. Т. 14. № 2. С. 40-75.
61. Banks N. 2016. The Regime for Transboundary Hydrocarbon Deposits in the Maritime Delimitation Treaties and Other Related Agreements of Arctic Coastal States. – *Ocean Development & International Law*. Vol. 47. Issue 2. P. 141-164.
62. Berkman P.A., Kullerud I., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. 2017. The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy. – *Science*. Vol. 358. Issue 6363. P. 596-598.
63. Bradbrook A. 1996. Energy Law as an Academic Discipline. – *Journal of Energy & Natural Resources Law*. Vol. 14. P. 193-217.
64. Crawford J. 2019. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 872 p.
65. Goldthau A., Witte J.M. 2010. Global energy governance: the new rules of the game. – *The Brookings Institution*. 372 p.
66. Kaufmann I. 1988. *Conference Diplomacy. An Introductory Analysis*. Martinus Nijhoff Publishers.
67. Offerdal K. 2010. Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North. – *Arctic*. Vol. 63. No. 1. P. 30-42.
68. Proedrou F. 2018. Revisiting pipeline politics and diplomacy: from energy security to domestic politics explanations. – *Problems of Post-Communism*. T. 65. N 6. P. 409-419.
69. Smith M., Keukeleire S., Vanhoonacker S. 2015. *The Diplomatic System of the European Union: Evolution, Change and Challenges*. London: Routledge. 18 p.
70. Uludag M., Karagul S. 2013. Turkey's role in energy diplomacy from competition to cooperation: theoretical and factual projections. – *International journal of energy economics and policy*. Vol. 3. P. 102-114.

References

- Ahmed M.A.H. Jenergeticheskij dialog Rossijskoj Federacii i Korolevstva Saudovskaja Aravija [Energy dialogue between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia]. – *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Mezhdunar. otnoshenija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International relationship]. 2018. T. 18. № 2. S. 342-355. (In Russ.)
- Anufrieva L.P. Principy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponjatija, prirody, genезisa, sushhnosti i sodержanija) [Principles in modern international law (some issues of concept, nature, genesis, essence and content)]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2021. № 1. S. 6-27. (In Russ.)
- Ashavskij B.M. Vzaimodejstvie vneshnej politiki, diplomatii i mezhdunarodnogo prava [Interaction of foreign policy, diplomacy and international law]. – *Social'naja spravедlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave* [Social justice and humanism in modern state and law]. Mater. mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Otv. red. T.A. Soshnikova, E.E. Pirogova. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2018. S. 77-84. (In Russ.)
- Bankes N. The Regime for Transboundary Hydrocarbon Deposits in the Maritime Delimitation Treaties and Other Related Agreements of Arctic Coastal States. – *Ocean Development & International Law*. 2016. Vol. 47. Issue 2. P. 141-164.
- Bekjashev K.A., Bekjashev D.K. Novyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim Kaspijskogo morja [New international legal regime of the Caspian Sea]. – *Trudy VNIRO* [Proceedings of VNIRO]. 2018. T. 174. 129-142. (In Russ.)
- Berkman P.A., Kullerud I., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. The Arctic Science Agreement Propels Propels Science Diplomacy. – *Science*. 2017. Vol. 358. Issue 6363. P. 596-598.
- Blisshenko I.P. *Diplomaticeskoe pravo* [Diplomatic Law]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow. 1990. 284 s. (In Russ.)
- Bogonenko V.A. Pravovaja sushhnost' i priznaki mezhdunarodno-pravovyh otnoshenij v sfere proizvodstva, peredachi i potreblenija jenergeticheskikh resursov [Legal essence and characteristics of international legal relations in the field of production, transmission and consumption of energy resources]. – *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Ser. D. Economic and legal sciences]. 2017. № 14. S. 127-132. (In Russ.)
- Borovskij Ju.V. *Problema jenergeticheskoi bezopasnosti v otnoshenijah Rossii i mezhdunarodnogo soobshhestva: sotrudnichestvo i sopernichestvo: monografija* [The problem of energy security in relations between Russia and the international community: cooperation and rivalry: monograph]. Moscow. 2018. MGIMO-Universitet. 439 s. (In Russ.)
- Bradbrook A. Energy Law as an Academic Discipline. – *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 1996. Vol. 14. P. 193-217.
- Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 872 p.
- Degterev D.A. *Jekonomicheskaja diplomatija: jekonomika, politika, pravo* [Economic diplomacy: economics, politics, law]. Moscow: Navona. 2010. 174 s. (In Russ.)
- Diplomatija resursov: *Syr'evye resursy i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij dvadcatogo veka*. [Resource diplomacy: Raw materials and the system of international relations of the twentieth century]. Per. s it. Otv. red. A.V. Torkunov. Nauch. red. russkogo izdanija M.M. Narinskij. Moscow: Navona. 2008. 445 s. (In Russ.)
- Efimceva T.V. Nekotorye aspekty pravovogo opredelenija ponjatija «toplivno-jenergeticheskij kompleks» po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Some aspects of the legal definition of the concept of "fuel and energy complex" under the legislation of the Russian Federation]. – *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and state: theory and practice]. 2019. № 7(175). S. 82-84. (In Russ.)
- Fodchenko I.P. Mehanizmy razreshenija sporov v rossijsko-norvezhskoj modeli junitizacii transgranichnyh mestorozhdenij uglevodorodov v Barentevom more i Arktike [Dispute resolution mechanisms in the Russian-Norwegian model of unitization of transboundary hydrocarbon fields in the Barents Sea and the Arctic]. – *Predprinimatel'skoe pravo* [Business law]. 2018. № 4. S. 63-69.
- Ganievoj Sh.N. Ponjatie i sushhnost' diplomatii v sovremennyh uslovijah [The concept and essence of diplomacy in modern conditions]. – *Izvestija Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. Otdelenie obshhestvennyh nauk* [News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences]. 2020. № 2. S. 209-214. (In Russ.)
- Ganjushkin B.V. *Diplomaticeskoe pravo mezhdunarodnyh organizacij. Pravovoe polozenie predstavitel'stv gosudarstv pri mezhdunarodnyh organizacijah, v ih organah i na mezhdunarodnyh konferencijah* [Diplomatic Law of International Organizations. Legal status of state representations at international organizations, in their bodies and at international conferences]. Moscow. 1972. 191 s. (In Russ.)
- Glikman O.V. Mezhdunarodnoe jenergeticheskoe pravo v sisteme mezhdunarodnogo prava [International energy law in the system of international law]. – *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er* [International legal courier]. 2020. № 1-2. S. 72-77. (In Russ.)
- Goldthau A., Witte J.M. Global energy governance: the new rules of the game. – *The Brookings Institution*. 2010. 372 p.
- Gudkov I.V. Jenergeticheskij dialog Rossii i ES: aktual'nye politiko-pravovye problemy [Energy dialogue between Russia and the EU: current political and legal problems]. – *Vsja Evropa.ru* [All Europe.ru]. 2014. № 7(89). S. 28. (In Russ.)
- Gudkov I.V. Kompetencija Evropejskogo sojuza po regulirovaniju otnoshenij v jenergeticheskoi sfere [Competence of the European Union to regulate relations in the energy sector]. – *Mezhdunarodnoe jekonomicheskoe pravo* [International economic law]. 2016. № 1. S. 10-17. (In Russ.)
- Gulasarjan A.S. Forum stran – jeksporterov gaza (FSJeG): mezhdunarodno-pravovye aspekty dejatel'nosti [Gas Exporting Countries Forum (GECF): international legal aspects of activities]. – *Pravovoj jenergeticheskij forum* [Legal Energy Forum]. 2015. № 4. S. 34-40. (In Russ.)
- Gumarova I.S. Jenergeticheskaja diplomatija: metody, sredstva, formy i mehanizmy realizacii [Energy diplomacy: methods, means, forms and mechanisms of imple-

- mentation]. – *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija [Bulletin of Perm University. Political science]*. 2008. № 2(4). S. 141-146. (In Russ.)
24. Hizhnjak V.S. Vzaimodejstvie vneshnej politiki i mezhdunarodno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii v voprosah realizacii ee vneshnepoliticheskikh interesov [Interaction of foreign policy and international legal policy of the Russian Federation in the implementation of its foreign policy interests]. – *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost' [Foreign policy interests of Russia: history and modernity]*. Sbornik mater. IX Vseros. nauch. konf. Otv. red. A.N. Skvoznikov. Samara. 2021. S. 3-7. (In Russ.)
 25. *Jenergeticheskie izmerenija mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii [Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia]*. Pod red. A.V. Torkunova, nauch. red., sost. A.D. Voskresenskij. Moscow: MGIMO. 2007. 1039 s. (In Russ.)
 26. Judina O.N. 2021. Jenergeticheskij sojuz ES spustja pjat' let: mif ili real'nost'? [EU energy union after five years: myth or reality?]. – *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*. № 1(101). S. 190-199. (In Russ.)
 27. Judina O.N. Jenergeticheskij dialog Rossija – ES v 2000–2014 gg.: ključevye prioritety, jetapy, protivorečija i rezul'taty [Energy dialogue between Russia and the EU in 2000–2014: key priorities, stages, contradictions and results]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika [Bulletin of Moscow University. Ser. International relations and world politics]*. 2022. T. 14. № 2. S. 40-75. (In Russ.)
 28. Kaufmann Io. *Conference Diplomacy. An Introductory Analysis*. Martinus Nijhoff Publishers. 1988.
 29. Kaveshnikov N.Ju. Razvitie vneshnej jenergetičeskoj politiki Evropejskogo Sojuza [Development of the external energy policy of the European Union]. – *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 2013. № 4(31). S. 82-91. (In Russ.)
 30. Keller A.V. Sovetsko-germanskij jenergetičeskij dialog kak zalog razrijadki v 1960–1970 gg. [Soviet-German energy dialogue as a guarantee of détente in 1960–1970]. – *Studia Humanitatis [Studia Humanitatis]*. 2022. № 3. (In Russ.)
 31. Kondakov S.A. Truboprovodnaja diplomatija Rossii [Russia's pipeline diplomacy]. – *Mezhdunarodnye otnoshenija [International relationships]*. 2012. № 1. S. 128-138. (In Russ.)
 32. Kovalev A.A., Shilova N.L. Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespečenija jenergetičeskoj bezopasnosti [International legal aspects of ensuring energy security]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2008. № 3(71). S. 61-77. (In Russ.)
 33. Krickij K.V. Odnostoronnie ogranichitel'nye mery (na primere vneshnej politiki SShA) [Unilateral restrictive measures (using the example of US foreign policy)]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017. № 1. S. 131-140. (In Russ.)
 34. Lahno P.G. Ob jenergetičeskom prave i ne tol'ko... [About energy law and more...]. – *Predprinimatel'skoe pravo [Business law]*. 2019. № 4. S. 32-45. (In Russ.)
 35. Levin D.B. *Diplomatija: ee sushhnost', metody i formy [Diplomacy: its essence, methods and forms]*. Moscow. 1962. 175 s. (In Russ.)
 36. Levin D.B. *Mezhdunarodnoe pravo, vneshnjaja politika i diplomatija [International Law, Foreign Policy and Diplomacy]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. 1981. 143 s. (In Russ.)
 37. Lisicyn-Svetlanov A.G. Obosnovanie jenergetičeskoj bezopasnosti: nekotorye zadachi vnutrennej i vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Justification for energy security: some tasks of the domestic and foreign policy of the Russian Federation]. – *Pravovoj jenergetičeskij forum [Legal Energy Forum]*. 2021. № 4. S. 8-12. (In Russ.)
 38. Lobanov S.A. Uchastie Rossijskoj Federacii v Parizhskom soglashenii 2015 g. i pravovoe obespečenie razvitiya TJeK: problemy i perspektivy [Participation of the Russian Federation in the Paris Agreement of 2015 and legal support for the development of the fuel and energy complex: problems and prospects]. – *Jenergetičeskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya [Energy law: models and development trends]*. Sbornik mater. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Pod. red. A.V. Gabova. Belgorod: ID «BelGU» NIU «BelGU». 2022. S. 113-117. (In Russ.)
 39. Martynenko S.E. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sportivnoj diplomatii [International legal foundations of sports diplomacy]. – *Juridicheskaja nauka [Legal science]*. 2018. № 4. S. 25-29. (In Russ.)
 40. Meshherjakova O.M. Pravovye osnovy evropejskoj politiki v sfere bezopasnosti i Lissabonskij dogovor [Legal framework for European security policy and the Lisbon Treaty]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. 2013. № 5. S. 20-23. (In Russ.)
 41. Monastyreckaja O.V. Osnovy differenciacii terminov mezhdunarodnogo prava i diplomatii [Basics of differentiation of terms of international law and diplomacy]. – *Jazyk i mir izučaemogo jazyka [Language and the world of the language being studied]*. 2015. № 6. S. 83-86. (In Russ.)
 42. Nosova I. Rossijsko-japonskij jenergetičeskij dialog [Russian-Japanese energy dialogue]. – *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations]*. 2011. № 4. S. 39-47. (In Russ.)
 43. Novak A. Jenergetika: vzgljad v budushhee [Energy: a look into the future]. – *Jenergetičeskaja politika [Energy policy]*. 2019. № 2. S. 6-11. (In Russ.)
 44. Offerdal K. Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North. – *Arctic*. 2010. Vol. 63. No. 1. P. 30-42.
 45. Oleandrov V.L. Mnogostoronnnaja diplomatija [Multilateral diplomacy]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. XXI Century]*. 2013. № 2(27). S. 69-76. (In Russ.)
 46. Pavlov E.Ja. Nauchnaja diplomatija v Rossii: Konstitucionno-pravovye osnovy [Science diplomacy in Russia: Constitutional and legal foundations]. – *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer [Scientific and analytical magazine Observer-Observer]*. 2018. № 11(346). S. 102-120. (In Russ.)
 47. Pjen Ch. Sovremennij jenergetičeskij dialog Kitaja i stran chlenov ShOS v neftegazovoj sfere [Modern energy dialogue between China and the SCO member countries in the oil and gas sector]. – *Sociosfera [Sociosphere]*. 2018. № 1. S. 24-29. (In Russ.)
 48. Popov V.I. *Sovremennaja diplomatija: teorija i praktika: diplomatija – nauka i iskusstvo [Modern diplomacy: theory and practice: diplomacy – science and art]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2010. 572 s. (In Russ.)

49. *Pravovoj rezhim mineral'nyh resursov. Slovar' [Legal regime of mineral resources. Dictionary]*. Pod red. A.A. Arbatova, V.Zh. Arensa, A.N. Vylegzhanina, L.A. Tropko. Moscow: OOO «Geoinformcentr». 2002. 284 s. (In Russ.)
50. Proedrou F. Revisiting pipeline politics and diplomacy: from energy security to domestic politics explanations. – *Problems of Post-Communism*. 2018. T. 65. № 6. P. 409-419.
51. Romanova V.V. Pravovye osnovy razvitiya mezhdunarodnogo jenergeticheskogo pravoporyadka [Legal basis for the development of the international energy legal order]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. 2015. № 3. S. 9-12. (In Russ.)
52. Romanova V.V. Vneshnejeekonomicheskie sdelki v gazovoj otrasli: osobennosti pravovogo regulirovaniya [Foreign economic transactions in the gas industry: features of legal regulation]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. 2016. № 3. S. 12-16. (In Russ.)
53. Salieva R.Z. Osobennosti jekonomicheskoy (hozjajstvennoj) dejatel'nosti v jenergeticheskom sektore jekonomiki [Features of economic (economic) activity in the energy sector of the economy]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of foreign legislation and comparative law]*. 2015. № 6. S. 1117-1121. (In Russ.)
54. Seliverstov S.S. K voprosu o ponjatii jenergeticheskogo prava [On the issue of the concept of energy law]. – *Jenergeticheskoe pravo [Energy law]*. 2008. № 1. S. 52-58. (In Russ.)
55. Shamugija I.Sh. Ponjatie «publichnaja diplomatija» v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [The concept of “public diplomacy” in the theory of international relations]. – *Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij [Current problems of modern international relations]*. 2017. № 10. S. 136-142. (In Russ.)
56. Shevchenko L.I. Ponjatie i pravovoe obespechenie jenergeticheskoy bezopasnosti kak osnovy jenergeticheskogo pravoporyadka [Concept and legal support of energy security as the basis of the energy legal order]. – *Pravovoj jenergeticheskij forum [Legal Energy Forum]*. 2021. № 1. S. 26-31. (In Russ.)
57. Shumilov V.M. Kategorija «Gosudarstvennyj interes» v politike i prave (sistemno-teoreticheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty) [Category “State interest” in politics and law (system-theoretical and international legal aspects)]. – *Pravo i politika [Law and politics]*. 2000. № 3. S. 4-17. (In Russ.)
58. Smith M., Keukeleire S., Vanhoonacker S. *The Diplomatic System of the European Union: Evolution, Change and Challenges*. London: Routledge. 2015. 18 p.
59. Sorokina Ju.V. Diplomatiya kak sredstvo realizacii vneshnej politiki [Diplomacy as a means of implementing foreign policy]. – *Mezhdunarodno-pravovye chteniya [International legal readings]*. Vyp. 2. Otv. red. P.N. Birjukov. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. 2003. S. 13-18. (In Russ.)
60. Surma I.V. *Cifrovaja diplomatija: monografija [Digital diplomacy: monograph]*. Moscow. 2020. 123 s. (In Russ.)
61. Tanaka N. Usilenie zavisimosti i global'noj jenergeticheskoy bezopasnosti i vazhnost' jenergeticheskogo dialoga mezhdu MJeA i Rossiej [Increasing dependence and global energy security and the importance of energy dialogue between the IEA and Russia]. – *Jenergeticheskaja politika [Energy policy]*. 2008. № 6. S. 9-13. (In Russ.)
62. Tunkin G.I. *Teorija mezhdunarodnogo prava [The Theory of International Law]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1970. 511 s.
63. Uludag M., Karagul S. Turkey's role in energy diplomacy from competition to cooperation: theoretical and factual projections. – *International journal of energy economics and policy*. 2013. Vol. 3. P. 102-114.
64. Urtaeva Je.B. Ponjatie jenergeticheskoy diplomatii i interesy Rossii [The concept of energy diplomacy and the interests of Russia]. – *Politika i obshchestvo [Politics and society]*. 2011. № 4(76). S. 4-11.
65. Varlen M.V. O vozrastajushhej roli parlamentskoj diplomatii v mnogopoljarnom mire [On the growing role of parliamentary diplomacy in a multipolar world]. – *Lex russica*. 2019. № 7. S. 54-65. (In Russ.)
66. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. Ponjatie «mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva» [The concept of “international legal policy of the state”]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. № 4. S. 21-37. (In Russ.)
67. Vylegzhanin A.N., Salygin V.I., Krymskaja K.V. Transgranichnoe nedropol'zovanie: mezhdunarodno-pravovye mehanizmy nekonfliktnoj politiki gosudarstv [Transboundary subsoil use: international legal mechanisms for non-conflict policies of states]. – *Mezhdunarodnye processy. [International processes]*. 2020. T. 18. № 3(62). S. 23-41. (In Russ.)
68. Zhiznin T.Z., Trusova A.A. Jenergeticheskaja diplomatija v sovremennom mire: men'she jekonomiki, bol'she geopolitiki [Energy diplomacy in the modern world: less economics, more geopolitics]. – *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of RUDN University. Series: International relations]*. 2019. T. 19. № 3. S. 472-479. (In Russ.)
69. Zhukova I.S. Jenergeticheskaja diplomatija i geopolitika kak sostavnoj jelement mezhdunarodnogo jenergeticheskogo prava [Energy diplomacy and geopolitics as an integral element of international energy law]. – *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]*. 2010. № 3 (109). S. 51-54. (In Russ.)
70. Zonova T. V. *Diplomatija: Modeli, formy, metody [Diplomacy: Models, forms, methods]*. Moscow: Aspekt Press. 2014. 346 s. (In Russ.)

Информация об авторах**Сергей Александрович ЛОБАНОВ,**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Яна Джамалутдиновна СУРХАЕВА,

Соискатель кафедры Правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

About the Authors**Sergey A. LOBANOV,**

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Yana J. SURKHAYEVA,

Candidate of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946